

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ XVIII – НАЧАЛА XX в.

Исторические судьбы России на важнейших этапах ее цивилизационной динамики всегда определялись потенциалом и перспективами развития промышленной сферы. Анализ воздействия промышленной политики на решение стратегических экономических задач, исторического опыта ее осуществления остро актуален сегодня.

Диапазон интерпретаций роли государства в развитии модернизационных процессов весьма широк, что в полной мере относится и к оценке роли правительственной промышленной политики в таком важнейшем субпроцессе модернизации, как индустриализация [1]. Данное обстоятельство следует объяснять архисложным характером проблемы, перманентно интенсивно теоретически обсуждаемой и «испытываемой» практикой. Суть проблемы обуславливает особую востребованность конкретно-исторического знания о ней, «экспериментальная» по отношению к прикладной экономике и теории государственного регулирования составляющая которого в известном смысле незаменима при генерации новых теоретических идей, выработке «высокой» экономической политики и в конкретной практике хозяйствования.

Промышленная политика представляет собой определенным образом мотивируемую и организованную деятельность государства, направленную на сферу промышленности. Традиционно понимание промышленной политики в «широком» (совокупность разных мероприятий государственной власти, оказывавших существенное прямое или косвенное целенаправленное или непреднамеренное воздействие на промышленное развитие, а также отношение правительства к промышленности вообще) и в «узком» (правительственная деятельность, «имеющая специальной задачей оказать то или иное воздействие на развитие промышленности») смыслах [2]. При изучении промышленной политики принципиальное значение имеет выявление причинных факторов, сама же промышленная политика может рассматриваться как их многокомпонентная результирующая. Это определяет необходимость обращения к самому широкому экономическому, социальному и культурному контексту развития российского общества, что, в свою очередь, невозможно без учета широкого спектра экстерналий — степени интегрированности и функционального положения страны в более широких международных системах, характеристик так называемого «общемирового пространства — времени».

Изучение промышленной политики объективно предполагает комплексный анализ, во-первых, принципиальных основ и логики ее выработки; во-вторых, непосредственного содержания предпринимаемых мер; в-третьих, хода, методов и механизмов ее осуществления; в-четвертых, результатов, оцениваемых в кратко- и долгосрочной перспективе с точки зрения степени их адекватности потребностям развития как промышленности, так и национальных интересов.

Такое абстрактно-логическое структурирование, по мнению автора, наиболее полно намечает проблематику, концентрирующуюся во взаимодействиях названных элементов. Последние и представляют собой процесс реализации промышленной политики. Подобный подход позволяет учитывать внутреннюю логику ее эволюции, ибо результаты осуществления того или иного курса, в свою очередь, на новом витке служили исходными посылками формирования задач и методов, они же определяли механизмы и конкретный ход реализации. В плоскостях названных взаимодействий — соотношения теоретических представлений и конкретных программ действий, их содержания и методов, а также фактически воплощенного на практике с точки зрения последующих перспектив, — лежат и принципиальные оценочные суждения как основа генерации исторического опыта.

Рассмотрим каждый из элементов предлагаемой структуры промышленной политики как объекта изучения, обозначив проблематику, важнейшие аспекты и подходы.

Основы промышленной политики определялись интересами господствующих социально-классовых групп и элит государства как некоего арбитра в их гармонизации, а также автономными интересами государства. В качестве самостоятельного направления изучения промышленной политики может рассматриваться историческая верификация механизмов выработки ее стратегии и тактики с учетом всех субъектно-объектных уровней этого процесса.

Самостоятельное значение имеет анализ развития системы органов государственного аппарата, ведавших промышленностью, с точки зрения различных источников и каналов инициирования, управления, контроля. Оценка дееспособности складывавшихся систем определялась комплексом вверенных прав, рациональной организацией внутренних и внешних связей, качеством информированности и компетентности с точки зрения сбора, переработки, верной оценки рассеянной экономической и прочей информации, а также, при всей важности личного состава государственного аппарата [3], его потенциальной способностью к деперсонализации действий. Выработка управленческих решений зависела от уровня экономических знаний, идеологических императивов, причем с весьма значимой поправкой на личностный фактор — теоретические и прочие воззрения и пристрастия глав государства, правительств, министерств, местных органов власти [4] и т.д.

Отечественная историография при изучении экономической политики преимущественное внимание традиционно уделяла социально-политическим, а не финансово-экономическим проблемам. Так, накоплен значительный фактический материал по различным аспектам взаимоотношений российского самодержавия с верхушкой дворянства и формировавшейся буржуазии, противоречий внутри бюрократического аппарата [5]. При этом явно недостаточно изученным и незаостренным проблемно остается вопрос о том, как различными общественными слоями осмысливался ход социально-экономического развития страны, насколько глубоко понималась степень взаимозависимости между индустриализацией и инновационными процессами в экономике в целом. Так, например,

сельскохозяйственная и промышленная политика традиционно рассматривались как две «стороны экономической политики» [6], а в выработке и восприятии последней сохранялось противопоставление искусственно взращиваемой промышленности и «исторически-национального» земледельческого промысла.

Ограничено востребованы и введены в научный оборот соответствующие материалы различных обсуждений в правительствах и подведомственных учреждениях, научных обществах проблем промышленной политики [7]. В данном случае, не «замыкаясь» на действиях и лицах, особенно важно отразить «идейный потенциал» этих обсуждений.

Значительный интерес вызывает изучение так называемой «обратной связи» — характера и механизмов влияния на целополагание и принятие решений в области промышленной политики различных социальных групп, так или иначе осознавших некие корпоративные интересы или определенным образом организованных (существенно рассмотрено как стихийного процесса самоорганизации промышленников, так и целенаправленной деятельности правительств в этой области).

Необходимы более взвешенные оценки и анализ того, насколько учитывались в проводимых курсах скрытые и явные, подлинные и мнимые, сиюминутные и рассчитанные на перспективу, «корыстные» и общественно ориентированные интересы (частные, групповые, общие) акторов промышленного производства и прочих хозяйствующих субъектов. Весьма симптоматично, что на современном этапе развития общественности все более осознанно звучит вывод о необходимости в исследованиях синкретического подхода — признания принципиальной сочетаемости, соединимости (а не абсолютизации и противопоставления) разнородных начал, отражающих различные стороны общественной практики.

Непрерывным направлением анализа механизмов «обратной связи» является исследование деятельности представительных организаций российской буржуазии, концентрированно выражавших интересы активных слоев предпринимательства. При всей источниковой доступности и видимой изученности этого вопроса [8] не обозначены такие важные аспекты, как анализ степеней «свободы» и «реализации» этих организаций (в частности, не выработаны методики оценки их фактического влияния на подготовку конкретных решений), а также того, насколько их программы соответствовали кардинальным объективным направлениям экономического развития.

Подобное изучение механизмов «обратной связи» позволяет выйти на качественно иной уровень обобщений и определить некий оптимум так называемого «диалогового» режима формирования и реализации промышленной политики, а также представить в исторической ретроспективе потенциал внесударственных институционально-корпоративных механизмов экономического регулирования, важность которых особенно ощущается в современной хозяйственной практике [9].

Под содержанием промышленной политики понимается прежде всего законодательное регулирование развития промышленности. В данном случае имеет

смысл принципиально исходить из того, что по мере изменения социально-экономического пространства высвобождающаяся правовая ниша постоянно заполнялась новым, адекватным ему содержанием, обеспечивавшим функционирование и развитие промышленности. Соответственно, промышленная политика может рассматриваться, с одной стороны, как перманентный процесс регулирования этой сферы, с другой, с точки зрения наиболее важных этапных моментов ее развития, как процесс смены правительств, курсов, программ и т.д.

Анализ содержания промышленной политики невозможен без спецификации законодательства, выявления его субъектно-объектной структуры (от какого органа государственной власти исходило, на что было направлено), привлечения для исследования подзаконных актов, инструкций и распоряжений, коллизионных норм.

Известно, что законодательные акты России, регулировавшие промышленность, условно делятся на три группы. Первая объединяет поток основных законов империи, относящихся к общему законодательству—Законы о состояниях, Уставы горный, торговый, промышленности; специальные законоположения—указы императора, положения Комитета министров, а затем Совета министров, Мнения Государственного Совета (они впоследствии становились частью общего законодательства, уточняя, расширяя, дополняя его в качестве примечаний или приложений к соответствующим статьям того или иного закона) составляют вторую группу; сепаратное законодательство—третью. Важность пристального изучения сепаратного законодательства определяется тем, что это была наиболее подвижная, фиксировавшая важнейшие экономические сдвиги составляющая государственного регулирования. Сепаратное законодательство служило выработке наиболее дееспособных правовых форм, при известных условиях формировало устойчивые прецеденты [10], а также отражало направления поиска приемлемых решений.

С точки зрения развития законодательства могут быть, в частности, выделены некие стадийные характеристики промышленной политики. Так, в законодательстве XVI—XVII вв. несмотря на известный опыт промышленного строительства практически отсутствовали постановления относительно промышленных производств [11]. В петровские времена, к которым восходят начала промышленной политики как особой сферы регулирования, она выражалась практически исключительно в предоставлении конкретным лицам особых льгот и монопольных прав. Первые законы общего порядка появились в 20—30-е гг. XVIII в.

Подобный ход эволюции законодательного регулирования промышленности своеобразно повторялся на новых витках развития экономического пространства. Он отражал поиски таких высоко генерализированных форм, процедур и стандартов, которые могли в значительной перспективе справиться с широким разнообразием менявшихся обстоятельств, а также переживания необходимых формально-рационального и «патриархального» (когда отдельные предпочтения и милости «испрашивались» в тиши министерских и прочих кабинетов) этапов регулирования промышленной сферы.

Содержание промышленной политики может анализироваться также в ключе выявления состава, иерархии и приоритетов ее направлений (соответствующим

щего инструментария), которые определялись важнейшими задачами промышленной политики на каждом конкретном этапе. В исторической динамике промышленного потенциала России правительственная политика выполняла различные задачи — от созидательной, координирующей, адаптивной, стабилизирующей, защитной до антикризисной. Приоритетные направления соответствовали решению наиболее насущных проблем как мультипликаторов — источников некоего негатива (нестабильности, ограничений потенциала роста и т.д.). В качестве важнейших направлений промышленной политики могут рассматриваться социальная (обеспечение рабочей силой, кадрами), финансовая (кредитная, инвестиционная), технологическая (научно-техническая, таможенная, инфраструктурная), сырьевая (земля, недра), рыночная (ценовая, налоговая, антимонопольная, прав собственности) ее составляющие.

Особым направлением анализа промышленной политики является ее региональный аспект. Картина экономической деятельности государства в отдельных промышленных районах представляется крайне пестрой и неоднородной. Поскольку региональные компоненты в развитии промышленной политики особо представлены на разных этапах, целесообразна постановка вопроса о том, в какие периоды отдельные промышленные районы выступали в качестве особых объектов промышленной политики.

Одна из важных сущностных характеристик промышленной политики связана с тем, что система предпринимаемых мер была на разных этапах различной по насыщенности. Это позволяет говорить о значимости формирования представлений о смене в ее развитии периодов эволюционных и реформаторских. Если говорить о моделях отношения государства к промышленности, то при всем многообразии национальных специфик достаточно характерным признан следующий образно представленный их ряд: сначала государство руководствуется лозунгом «Помочь встать на ноги» (явно выраженное покровительство), затем — «Предоставить самой себе» (обеспечение минимума необходимых условий) и, наконец, — «Дать костыли» (при параличе регулирующего рыночного механизма) [12].

Содержание и методы регулирования промышленной сферы целесообразно на важнейших этапах также оценивать и с точки зрения степени сложности. Эта шкала в своих крайних точках может быть представлена следующими оценками: промышленная политика как главная, многоканально действующая управляющая сила (высокий балл сложности), как рациональная и сравнительно простая «инструментальная» сила, роль которой сводится к инициированию событий, в дальнейшем определяющихся воздействием экономических переменных.

В определении, с точки зрения содержания, места промышленной политики в структурных изменениях национальной экономики, хотелось бы обратить внимание на недостаточную изученность факторов, связывающих все отрасли экономики в целостную народнохозяйственную систему» [13]. Важнейшими факторами, формировавшими специфику развития промышленности в России, были, с одной стороны, обеспеченность материальными ресурсами, делавшая возможным построение автаркичной экономической системы, с другой — аграрный характер экономики, условия перекачки в промышленность рабочей силы

и нарастающий секторный разрыв между сельским хозяйством и промышленностью [14].

Говоря о методах российской промышленной политики, можно отметить, что ее эволюция своеобразно выражала переход от административно-мобилизационных методов модернизации к рыночным. Эта гипотеза о сути представляет известную тенденцию. Реально же сложный и неоднозначный характер процесса определяла координация различных методов, оцениваемых в шкале «силовые — экономические». На поворотных этапах развития отечественной экономики в задачах и конкретной практике важнейших курсов правительственной политики в отношении промышленности были представлены не только ярко выраженные рецидивы и неосознанные «запечатления» тех или иных методов, но и их целенаправленная организация. В этом преломлялись прежде всего действовавшие системы форм хозяйствования, а также потенциальная автономность интересов государства, выдвигавшего сообразные социальной ориентации, но экономически не- или малообоснованные решения. Промышленная политика в принципе не может рассматриваться иначе как сквозь призму соотношения (не путать с противопоставлением!) приказного и спонтанного порядков во всякой экономической системе. Речь идет прежде всего о представлениях возможностей рынка как экономического механизма, о его типах, совместимости с преобладающими принципами поведения в различных экономиках, включенных в более широкие социальные системы, пределах и формах оптимизации государственного регулирования [15].

В рамках названного соотношения очерчивались сферы, с одной стороны, регулирования, с другой — свободного координирования действий акторов промышленного производства. Последнее складывалось из скрытых форм спонтанной либерализации, легальных (допускаемых законодательно) и нелегальных (противодействующих системе) действий. Анализ смены моделей экономического «поведения» [16] и адаптации к ним акторов промышленного производства может стать своеобразным, весьма интересным ракурсом изучения промышленной политики. Следует подчеркнуть, что именно механизмы социально-экономической адаптации в весьма значительной степени были связаны со спецификой российской условий и национальной модели модернизации, поскольку развитие последней на всех этапах было связано с противоречивыми по своей природе факторами [17]. Традиционно в их ряду отмечаются несовпадение социального вектора модернизации с ее капиталистической сущностью, рыночное нивелирование производственных систем по образцу «индустриального капитализма» и активизация не исчерпавшего себя потенциала архаичных экономических форм, спонтанное развитие модернизационных процессов на собственной культурной основе и их форсирование сверху.

Оценка характера адаптационного взаимодействия акторов промышленного производства с экономической средой, в частности, может быть проведена с точки зрения степени их активности и результативности влияния на последнюю. Недостаточно адекватная по темпам и направленности обновляемость экономического и правового пространства подталкивала к различного рода выходам за его пределы, формировала прецеденты девиантного или оппортунистического

[18] поведения предпринимательства. Очевидно, что там и тогда, где и когда общеэкономические условия ставили акторов промышленного производства в положение «игроков в партии с краткосрочным временным горизонтом» [19], оппортунистическое поведение проявлялось во всех его формах — вплоть до воинствующе-эгоистичной экономической недобросовестности. Немаловажным в оценке адаптационных процессов представляется и внимание к тому, как на каждом из этапов развития экономической практики использовался открывающийся спектр новых возможностей, к тому, что было сделано не только благодаря, но и условно вопреки проводимой политике (в процессе как усвоения, так и отторжения обрабатываемых экономических правил складывался механизм саморегулирования промышленного развития, формировались его особые резервы).

Ход реализации промышленной политики может рассматриваться как процесс взаимодействия с культивируемой ею средой — промышленностью и экономикой в целом, представляемыми как особые сферы, функционирование и развитие которых подчинено собственным закономерностям, обладающих движущими силами, «встроенными стабилизаторами», инерционностью и т.д. Изучение реализации тех или иных мер позволяет выделять в промышленной среде силы и конкретные носители, которые способствуют однонаправленным предпринимательским изменениям или, напротив, их тормозят. В более длительной исторической перспективе они могут быть оценены как прогрессивные, деструктивные и т.д.

Баланс позитивных и негативных итогов государственного регулирования промышленной сферы, то есть конкретные результаты, скорость и цена достижения поставленных задач определялись целым рядом факторов. Почвенность конкретных мероприятий зависела от того, насколько полно и точно учитывались этапные характеристики экономических, социальных, демографических, политических процессов. Результативность их была непосредственно связана с реализацией отражавших состояние исторически обусловленных хозяйственных структур, интересов различных акторов промышленного производства — отраслевых, региональных, корпоративных групп, элит, предприятий. Они складывались из характеристик наличного производственного аппарата (количество и качество производственных фондов), сырья (доступность с точки зрения конкретных геополитических и технико-технологических и экономических условий), кадрового потенциала (численность, квалификация, воспроизводство), инвестиционных возможностей, организационных ресурсов, положения на рынке (сбыт, прибыль и т.д.).

Дееспособность проводимых курсов определялась также верной расстановкой задач по приоритетам, в том числе определенном в их ряду своеобразных «рычагов». Особого учета требует анализ различных транзакционных издержек, в том числе «аффекта запаздывания» в формировании и постановке целей, в принятии решений, в выборе методов и инструментов, каждый из которых обладает свойственной его природе временным лагом (различной скоростью подключения и срока работы, неодинаковой структурой интенсивности воздействия на цель).

В заключение хотелось бы в некоторых общих характеристиках представить историографическую ситуацию в исследовании проблемы российской промышленной политики, а также отметить наиболее перспективные направления и подходы в ее изучении.

В отечественной историографии промышленная политика рассматривается, как правило, в глобальных рамках, детерминированной широким спектром условий российской экономической политики в целом [20]. С другой стороны, при освещении проблемы из претендующей на известную целостность сферы промышленной политики нередко изымаются отдельные ее составляющие, рассматриваемые как самостоятельные. Все это находит некоторое негативное отражение в индустриальной (общероссийской и региональной) историографии, которая так или иначе связана с проблемой государственного регулирования промышленного производства и содержит немало исследований, представляющих хронологические и тематические ее аспекты.

В толковании сложившейся историографической ситуации представляется необходимым обратить внимание на следующие положения. Во-первых, несомненно, самой высокой оценки заслуживает стремление к многомерному представлению промышленной политики, расширению спектра объясняющих переменных — макроэкономических, хозяйственно-экономических, технико-технологических, социокультурных, политических, институциональных, личностных, экстернальных. В этом — стратегия разработки проблемы. Такой подход позволит избегая искусственной изолированности представления промышленной политики определить ее роль в структурных изменениях национальной экономики, что в условиях сложной, с точки зрения секторной, отраслевой структуры, а также многоукладности экономики России представляется особенно важным [21].

Во-вторых. Все новые и новые аргументы обретают вывод о необходимости «вычленения» промышленной политики из экономической, наполнения этого понятия конкретным содержанием, в его хронологической и сущностной определенности. К сожалению, приходится констатировать, что обращаясь к проблеме историки и экономисты, как правило, оперируют весьма ограниченным, переходящим из публикации в публикацию набором фактов. Это неминуемо приводит к их «стилизации», а также увлечению механистическим теоретизированием и схоластической эконометрикой в аргументации.

Дабы не впасть в «грех» умозрительных построений и не повторять «общие места», в качестве одного из приоритетных на настоящий момент направлений в исследовании данной проблемы, следует, по убеждению автора, рассматривать анализ промышленной политики как процесса *перманентного*. Такой подход позволит проанализировать внутренне присущую ему структуру, отказавшись от традиционного формального представления ее эволюции с точки зрения смены царствований, правительств, курсов и программ, что весьма ограниченно способствует генерации нового знания. Именно с этим подходом автор связывает выявление закономерностей эволюции промышленной политики в динамично менявшемся российском социально-экономическом пространстве, более тонкую дифференциацию ее природы, общих и этапных особенностей, типологических свойств и национально-исторической специфики.

Анализ соотношения внутренней структуры промышленной политики с ходом объективного экономического развития, последовательно-историческим рядом, характером «встроенности» каждого конкретного правительственного мероприятия в сложную последовательность событий и механизмы взаимодействия экономических и прочих переменных представляется перспективной основой анализа ее исторического опыта — «аналогий позитивных и негативных решений» [22] проблем создания, развития и использования промышленного потенциала страны. Большой потенциал обобщений предоставляет сравнительное изучение страновых промышленных политик как в целом, так и с учетом их регионального компонента, а также освоение методик обнаружения ситуаций альтернативности в процессе исторической эволюции [23]. Изучение возникающих в ходе выработки и реализации промышленной политики альтернативных возможностей позволит фиксировать внимание не только на состоявшихся, но и на упущенных ее направлениях, состояниях, перспективах (используя столь нелюбимое историей сослагательное наклонение для «отделения зерен» исторического опыта).

Одним из наиболее востребованных современностью аспектов изучения исторического опыта промышленной политики представляется изучение моделей и механизмов социально-экономической адаптации различных стран и акторов промышленного производства, ретроспективный анализ рассматриваемых в рамках промышленной политики изменений в ряду модернизационных, которые открывали новый уровень и спектр адаптивных возможностей. Особенно интересны в этой связи исторические аналогии постфеодального и постсоциалистического периодов, которые могут быть идентифицированы и интерпретированы в категориях теории переходной экономики, характеризующейся неким системным вакуумом, когда ни один из спектра методов координации деятельности экономических агентов не являлся доминирующим [24].

Каждое из представленных как перспективное направление предъясвляет особые требования к качеству аргументации, а значит и к фактической базе исследования, в частности, диктует целесообразность формирования баз данных по законодательству, динамике промышленного производства, его качественным производственно-экономическим характеристикам. Извлечение не искаженного сиюминутными запросами современности знания невозможно без детального анализа важнейших механизмов эволюции промышленной политики, наиболее полной спецификации и систематизации мер экономического, правового и административного инициирования, регулирования и контроля. Только на таком уровне исследования и представления собственно исторических исследований, когда «революция конкретно-проблемных разработок» опережает «революцию оценок», они оказываются востребованными с точки зрения как развития теоретических представлений, так и практической актуализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Роуни Д. Отношения между государством и экономикой в России в период индустриализации: взаимодействие теории и количественных методов // История. Статистика. Информатика. Материалы научного семинара «Статистическое программное обучение для историков». Барнаул, 29-31 мая 1994 г. Барнаул, 1995. С. 211—221.
2. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 11—12.
3. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 3, 18—20.
4. Гиндин И.Ф. Как оценивал С.Ю. Витте свою экономическую политику. О возможных источниках для изучения проблемы // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 1. Ч. 1. М., 1993.
5. Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М., 1975; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978; Он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Л., 1986; Он же. Из истории экономической политики царизма в 1907-1914 гг. // Исторические записки, 1983. Т. 109; Он же. Выбор пути экономического развития России (конец XIX — начало XX вв.) // Реформы или революция. Россия 1861-1917 гг. СПб., 1992; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; Он же. Проблема промышленного развития России в финансовой политике царизма начала XX вв. // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. Л., 1987; Он же. Промышленность или сельское хозяйство? Проблема смены курса политики царизма в начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии конце XIX — начале XX в. М., 1988; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973; Он же. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. Л., 1990.
6. Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства (Выбор пути экономического развития России. 1892-1914 гг.) // История СССР, 1991. №3. С. 65.
7. Среди немногих, вышедших в последние годы и частично ликвидирующих пробелы в изучении этих вопросов, следует отметить следующие исследования: Аликкин А.В. Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990; Смирнова О. Россия на пороге XX века. Общественно-политическая дискуссия о путях социально-экономического развития страны. Оренбург, 1995.
8. Лявшин Я.И. «Представительные» организации крупной буржуазии в конце XIX — начале XX в. // История СССР, 1959. №2; Буранов Ю.А. Съезды уральских горнопромышленников в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С.268-282; Пушкина Т.Л. Опыт административного контроля правительственными учреждениями съездовских организаций сибирских предпринимателей в конце XIX — начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII — начало XX в.). Барнаул, 1995. С.36-53; Рукосуев Е.Ю., Тарская С.А. Съезды золото- и платинопромышленников Урала. 1897-1919. Екатеринбург, 1997.
9. См., напр.: Медведев В. Наши перспективы в контексте мировых трансформационных процессов // Свободная мысль, 1997. №3. С. 34-36.
10. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 98-110, 121-128.
11. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С.40
12. Нуссбаум Х. Государство и экономика в Германии. Конец XIX — начало XX в.

// Производительные силы и монополистический капитал в России и Германии в конце XIX — начале XX в. М., 1986. С.176.

13. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С.3.

14. Овсянчук С.В. Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. М., 1995.

15. Эрроу К.Дж. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS. Т.1. Вып.1. С.53-68; Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля, деньги // Там же. С.10-17.

16. Под поведением в данном случае понимаются обобщенные типовые характеристики (образцы) и осмысленные результаты действий.

17. Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 1993. №7. С.3-39; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Там же. С. 40-56; Хорос В.Г. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С. Ахиезера) // Вопросы философии, 1993. №5. С. 107-109.

18. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS, 1993. Том.1. Вып.3. С.44-45.

19. Основы теории переходной экономики. Киров, 1996. С.84.

20. Едва ли не единственным, сфокусированным в значительной степени на промышленной политике, является монографическое исследование Л.Е. Шепелева «Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики» (Л., 1973), однако и здесь автор особо оговаривает рассмотрение ее в связи с важнейшими направлениями экономической политики.

21. Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства ... Указ. соч. С.64-81;

22. Алексеев В.В. Исторический опыт как предмет изучения. XVIII Международный конгресс исторических наук. Montreal-Екатеринбург, 1995. С.34.

23. Гребениченко С.Ф. Технологии обнаружения ситуаций альтернативности в процессе исторической эволюции. М., 1995.

24. Экономика переходного периода. М., 1995; Основы теории переходной экономики. Киров, 1996.

RUSSIA'S INDUSTRIAL POLICIES OF THE XVIII – THE EARLY XX CENTURIES AS A FACTOR OF MODERNIZATION

The article proposes operational definition of the industrial policies, outlines actual directions and approaches to studying it from the viewpoint of revealing the evolution logic through the changing Russian socio-economic space as well as of differentiating the nature, peculiarities of stages, technological characteristics and nation's historical specifics.

L.V.Sapogovskaya